

ВЗРОСЛАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ ЖУРНАЛА “ПИОНЕР”

© 2015

А.В. Кравченко

Любая революция, выдвигающая претензии на свое общемировое значение, стремится к тому, чтобы провести отчетливую грань между до- и послереволюционным. Активно отмечая юбилеи Октябрьской революции, новые власти репрезентировали ее в качестве ключевого исторического рубежа. Отсюда и постоянно повторяющаяся формулировка: то или иное событие произошло “через ... лет после Октябрьской революции”, звучащая и на страницах журнала “Пионер”. *“Скоро уже двадцать лет, как в нашей стране утвердилось советская власть. Каждый нынешний взрослый человек чувствует, что он живет вторую жизнь: одна кончилась до Октябрьской революции, другая началась после нее. И хотя у нас принято общее летоисчисление так называемой нашей эры «от рождения Христа», но каждый советский человек считает, что нашей эре идет сейчас не двадцатый век, а двадцатый год. Двадцатый год его второй жизни! Для нынешних школьников, скажем, для наших читателей, родившихся 13, 14, 15 лет назад, никакой прежней жизни не существует: они жители нового мира”* (1937, №5, с. 5)¹.

Новое поколение должно было продемонстрировать, что оно отличается от поколения родителей. В 1920-х годах “Пионер” постоянно публикует тексты, где советские дети не просто вступают в конфликт со старшими (выросшими до революции), но и противостоят им как более развитые личности. Люди, не соприкасавшиеся с “прошлым”, более совершенны и потому могут учить собственных родителей. Так, в “Некоторых случаях из жизни Гриньки” Льва Гумилевского герой убеждает отца, чтобы тот начал сев, сообразуясь с советами агронома, а не по народным приметам. Увидев, что урожай обещает быть богатым, отец признает свою ошибку (1925, № 9, с. 2–7).

Иллюстрацией проведения грани между “прошлым” и “настоящим” является стихотворение А. Жарова “Поколение Октя-

АРХИВ

**Кравченко
Артем**

Владимирович — координатор проекта “Архив Егора Гайдара” Фонда Егора Гайдара. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: artemioskravchenko@gmail.com

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на журнал “Пионер” с 1924 по 1939 год.

бря” (1927, № 20, с. 1), которое редакция разместила на первой странице, подчеркивая его значимость. Советский мальчик обращается к другим детям:

Вы помните конечно, все
Те дни, туманные и злые,
Когда у нас
Городовые
Цвели во всей своей красе?..
Сошли уж Мономаха бармы.
Всех генералов и жандармов
История
Втоптала в грязь!
Они в Сибирь ссылали нас,
Они нас голодом морили.
Но в Октябре
Мы победили,
На жизнь и смерть с врагом борясь.

Затем выясняется, что мальчику всего десять лет, он “ровесник Октября”. Но его это вовсе не смущает, он заявляет, что:

Мой брат жандармов ненавидел,
Он в Октябре сраженный пал...
А я городовых не видел
И... очень рад, что не видал!

В связи с десятой годовщиной Октябрьской революции в “Пионере” напечатали несколько ответов детей на вопрос, что они знают о жандармах и царе (1927, № 19, с. 6–7). Наряду с явно идеологически окрашенными ответами, которые должны были подтвердить завоевание новой властью умов подрастающего поколения: “Царь — это большой разгильдяй и пьяница, в своей жизни ничего не сделавший. Он даже так беспомощен, что сам не может управлять своей страной. За него управляют его вельможи”), приводится и вариант, где респондент признается, что просто не знает, кто такой жандарм. Это служит своеобразным подтверждением приведенных редакцией в лидер-абзаце слов о том, что “многое из старого, плохого забывается”.

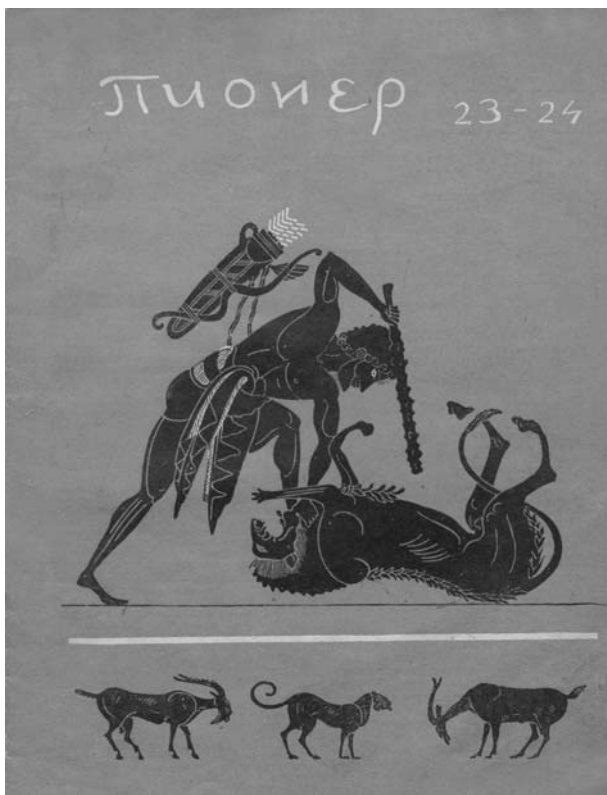
Характерны воспоминания некоего Б.И. о гимназической жизни в предреволюционный и революционный периоды. Хотя с тех пор не прошло и десяти лет, само время описывается как чрезвычайно отдаленное, всецело принадлежавшее ушедшему прошлому. Воспоминания начинаются с ироничной фразы: “Мне странно вспомнить, что я сам когда-то назывался гимназис-

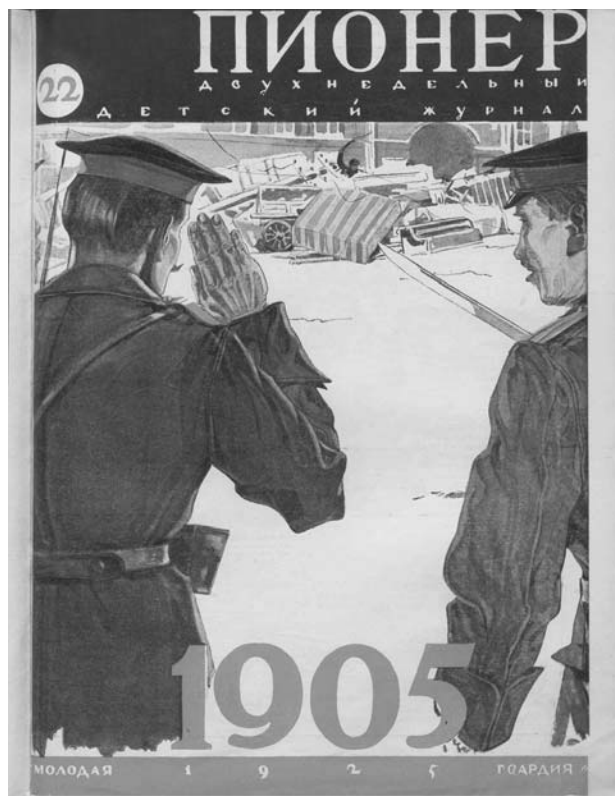
том. Теперь это звучит так, как например, *динозавр, археоптерикс или действительный статский советник*” (1927, № 2, с. 20).

В 1930-е годы конфликт между поколениями начинает приобретать новые формы. Активная борьба за дисциплину на производстве в рамках политики индустриализации выливается в тексты, где дети призывают и всячески мотивируют своих безалаберных или несознательных родителей к труду и дисциплине. Например, в рассказе С. Гурова пионеры успешно борются с прогулами у взрослых рабочих (1931, № 11, с. 1–3). Это отражает изменения представления о роли детей в официальном властном дискурсе. Как отмечает (говоря о юнтехах) М.А. Литовская, «если вначале им предлагалось самим строить, изобретать, вносить посильный вклад, улучшая быт рабочих организаций и т.п., то постепенно главной функцией пионера объявляется надзор за своими ‘подшефами’» [2]. В это же время в “Пионере” публикуются тексты, где дети становятся свидетелями антисоветских замыслов своих родителей и сообщают об этом “куда следует”. Подобные сюжеты появляются еще до прогремевшей по всему Союзу истории о Павлике Морозове, чаще всего они связаны с описанием жизни и борьбы в деревне (1927, № 7, с. 3–5).

“Прошлое” от “настоящего” отделяла в “Пионере” не только революция. Как минимум еще одно важное событие сразу же стало поводом для коллективного воспоминания — смерть и похороны В.И. Ленина. Культ ушедшего вождя стал не только важным фактором формирования тоталитарной системы [6], но и важнейшим источником практик коммеморации. Вспоминали о вожде на страницах журналов партийные соратники, родные и знакомые, а в 1920-е годы сами дети описывали как свои встречи с вождем, так и посещение его гробницы вскоре после похорон (1924, № 2, с. 8–11). Соприкосновением с прошлым теперь нужно было гордиться: “*Мы, великой милостью истории, родились современниками Ленина, работали рядом с ним, учились у него*” (1924, № 1, с.1).

Чтобы проследить динамику и формы представления исторического прошлого в журнале “Пионер”, рассмотрим, когда

и в каком контексте возникали исторические нарративы и к какому хронологическому периоду они относились. На основе анализа контента при подсчете тексты, связанные с рассказом о прошлом, были распределены по трем категориям. В первую вошли те, чьи наиболее ранние хронологические эпизоды относятся к 1861–1921 годам, во вторую — к 1701–1860 годам и в третью — описание событий и явлений до 1700 года.

От 1924 года к концу 1930-х годов прослеживается явная динамика. Вначале доминируют исторические нарративы 1861–1921 годов (большинство текстов этого периода так или иначе связаны с революционной борьбой). Оба более ранних периода занимают менее одной трети (а чаще даже менее одной четвертой) части. В 1930–1931 годах происходит спад этих нар-

ративов вплоть до полного исчезновения, но уже с 1932 года можно говорить об их последовательном росте. Наконец, к 1936 году наблюдается относительное равенство и это соотношение в целом остается достаточно устойчивым.

Журнал “Пионер” изначально был тесно связан с партийно-государственной системой. По-видимому, указания, зачем и как изображать прошлое, транслировались в журнал “сверху”. В документах центральных органов комсомола можно найти отдельные предписания по этому поводу. Так, летом 1923 года после обсуждения вопроса “о массовом пионерском журнале” для детей 15–17 лет ЦК комсомола издает постановление “О массовом журнале для молодежи”, где формулирует темы, которые непременно должны быть освещены в подобном журнале. Среди них — *“история революционной борьбы в прошлом”* [3].

Материалы о революционных событиях 1917 года и гражданской войне занимали в журнале особое место. Были и рассказы, и воспоминания, и публицистические тексты. Нередко события изображались в стихах:

Октябрь пронесся над Русью шквалом
С огромной силой в сиянье алом.
В дымящем вихре истлели троны,
Как пыль исчезли царей короны (1927, №21, с. 22–23).

Революционная тематика не ограничивалась собственно Октябрьской революцией и гражданской войной, журнал рассказывал и о Февральской революции, и о революции 1905 года. Более того, уже в первой половине 1920-х годов печатались материалы о Великой Французской революции и борьбе Парижской коммуны (1928, № 22, с. 6–10). Часто разные революционные события переплетались, превращаясь в единый сюжет. Показательным в этом смысле является рассказ М. Гершензона об учителе по кличке Путаница, который, рассказывая детям о революции 1917 года, постоянно обращается к Великой Французской революции, перескакивает с текстов дневника Николая II на записи из дневника Людовика XVI. Но ученики перестают его поправлять, поняв, что “на этот раз Путаница не виноват”, потому что “этих феодалов очень легко спутать” (1930, № 6, с. 1–4). Выстраивался исторический метанарратив, который представлял мировую историю как цепь восстаний и революций, приведших к Октябрю.

Прошлое описывалось в журнале в рамках биографических рассказов об известных революционерах. Разумеется, ключевую роль играла история жизни В.И. Ленина, а в 1930-е годы также И.В. Сталина. Тексты о вождях появлялись как в связи с памятными датами (например, очередная годовщина смерти Ленина), так и без какого-либо очевидного повода.

Наконец, важнейшей формой репрезентации прошлого в журнале были противопоставления “вчера” и “сегодня”. Например, в стихотворении “Прежде и теперь” (1925 г.) речь шла о том, как на курорте, где раньше отдыхали богачи, теперь отдыхают пионеры. Довольно часто “Пионер” помещал правила детских коллективных игр, которые призывали воспроизводить исторические события, связанные с революциями, гражданской войной. В результате игра, похожая на взятие снежного городка, превращалась во “Взятие Бастилии”.

В 1927 году в статье “Как учились прежде и как учатся теперь” рассказывалось об античном образовании, а в 1928 году в очерке “Как воевали раньше и как воюют теперь” описыва-

лись древнеримские катапульты. Прошлое при таком противопоставлении, разумеется, всегда уступает настоящему, оно менее совершенно, но уже может представлять определенный “историко-этнографический” интерес.

Во второй половине 1920-х годов героями биографических очерков становятся не только революционеры, но и деятели культуры, искусства, науки — Бруно, Ньютон, Бетховен. Правда, их биографии непременно сопровождаются упоминаниями об угнетении, об ужасном положении простых людей и т.п., а также фразами, которые призваны обозначить связь творений гения с Советской страной: “СССР читает Бетховена, как композитора, выразившего в музыке мощное бодрое стремление человека-борца к свободе и радости” (1929, № 4, с. 21).

Другой важной формой разговора о более отдаленном, чем несколько десятилетий, прошлом стала антирелигиозная пропаганда. Она считалась одной из важных задач пионерского журнала; Агитпроп, ЦК комсомола предписывали уделять ей внимание. Но ни о каком историческом контексте, естественно, речи не шло — акцент делался на замене “религиозного мировоззрения” “научным, марксистским” и на необходимости “обличать те общественные слои, которые пользуются предметами веры и религиозного культа в своих классовых и контрреволюционных целях” [4]. Но де-факто в подобные материалы нередко включали исторический экскурс. Например, Емельян Ярославский, претендовавший на роль “главного безбожника” Советского Союза и активно публиковавшийся на страницах “Пионера” в 1920-х годах, в зарисовке “Что пионер должен знать о Рождестве” рассказывает о связи земледельческих традиций Средиземноморья с астрономическими фазами и о древнеегипетской мифологии (1924, № 9, с. 7–8).

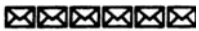
Еще одним поводом заглянуть в прошлое становились статьи, знакомящие читателей с техническими и научными достижениями. Например, построенная по упомянутой выше схеме противопоставления прошлого и настоящего статья “Дом прежде и теперь” (1925, № 19, с. 20–23) включает в себя историю первобытной архитектуры, пирамид и пр. А статья “Тайна кома-

ра” посвящена истории изучения желтой лихорадки в XIX веке (1929, № 2, с. 22–23).

Толчок к активизации обсуждения детской литературы был дан в 1928 году дискуссией “Нужна ли сказка пролетарскому ребенку”. Позже, в 1931 году, ответственный редактор “Пионера” И. Разин выступил с докладом на первой Всероссийской конференции по детской литературе с критикой “линии Маршак-Чуковского”. Но апрельское постановление ЦК РКП(б) 1932 года “О перестройке литературно-художественных организаций” положило конец РАППу и обозначило новый вектор в государственной литературной политике. Разин покидает пост ответственного редактора “Пионера”, а в следующем — 1933 году — происходит масштабная реорганизация журнала, обвиненного в “левацких тенденциях”.

Что касается влияния положения дел в историческом сообществе, то “дело историков”, масштабные аресты “старой профессуры” в 1929–1930 годов не могли пройти бесследно. На какое-то время на страницах журнала исторические экскурсы исчезли. Тем не менее вскоре наметился устойчивый рост контента, относящегося к периоду до 1861 года. В материалах, где речь идет о науке и технике, исторические экскурсы появляются все чаще и со все большим хронологическим отрывом от современности. Например, статья, посвященная воздухоплаванию, описывает попытки умельца в Московской Руси XVI века (1935, № 22), а в разговоре о звездном небе авторы отсылают к исследованиям астрономов XVII столетия (1934, № 15). Продолжают публиковаться статьи, связанные с историей культуры и искусства. Знакомясь с репродукциями произведений искусства, читатели узнают о той или иной эпохе, о происхождении латинских выражений “жребий брошен” и “Геркулесовы столбы”, т.е. с эпизодами античной истории (1929, № 1, с. 20–21). Все чаще встречаются пассажи, призванные увлечь прошлым, ценность которого, кажется, никак напрямую не связана с революцией: *“Попытаемся проникнуть в даль веков, за тысячу лет, и посмотреть, что было в далекую старину на месте Москвы”* (1929, № 1, с. 21). Характерно, что, начиная с 1936 года в журнале появляет-

ся раздел под названием “Путешествие в века”. Теперь апелляция к отдаленному прошлому уже не требует отдельного повода. Зачастую им становится описание раскопок или экспедиций. Обращение к античной тематике оказывается вполне обычным. Вышедший в конце 1934 года номер “Пионера” полностью посвящен древней мифологии. Рассказы об античности нередко состыковываются с современной ситуацией в СССР. Так, повествование о римских гладиаторских боях с участием зверей плавно переходит к дням сегодняшним. *“Прошло две тысячи лет, люди научились обращаться со зверьми. Хищных зверей они истребляют, чтобы они не приносили вреда людям и домашним животным. Волкам, например, в СССР объявлена беспощадная война... Редких зверей мы берем под особую защиту. Нет на свете зверя, которого бы не изучали”* (1934, № 22, с. 6–8).

Начиная с 1936 года в журнале появляются нарративы, апеллирующие к периоду 1700–1860 годов. Думается, эти изменения происходили главным образом за счет двух форм репрезентации прошлого. Во-первых, расширения биографических материалов, писателям. Особенно наглядно это проявилось в связи с юбилеем А.С. Пушкина. Некоторые биографические статьи строятся по модели, которой ранее удаивались только большевистские вожди. Так, по аналогии с помещенными в одном из номеров фотографиями В.И. Ленина с комментариями о времени и месте, когда они были сделаны, в 1936 году был напечатан материал про А.С. Пушкина с портретами поэта и подробными комментариями (1936, № 12, с. 25–27). Во второй половине 1930-х годов “Пионер” довольно часто публиковал классические литературные тексты, снабженные биографическими сведениями о жизни авторов (1938, № 8, с. 55–60).

Во-вторых, изменения были вызваны обращением к русской истории. Разгром “школы Покровского”, начавшийся с постановления 1934 года, знаменовал поворот к “патриотическим идеалам” в пространство исторического. Как отмечает немецкий историк Ф.Б. Шенк, ВКП(б) “реабилитировала государство, индивидуума и (русский) народ как объекты исторического нарратива” [5]. На страницах журнала появляются национальные герои прошлого: Александр Суворов, изображение которого было вынесено на обложку одного из номеров, Александр Невский. Все чаще используется выражение “русский народ”, допускается интерес к “русской” истории, укрепляется вполне отчетливое представление о национальной границе. В материале об обороне Севастополя подчеркивается именно слово “русский”: *“русские войска сделали возможным невозможное”, “даже враги признали, что обороной Севастополя русский народ покрыл себя бессмертной славой”, “русский народ показал в Севастополе, как надо любить и защищать родину”* (1939, № 2, с. 79–87). В этих исторических нарративах государственное и этническое довольно быстро сливаются. В статье о Северной войне выясняется, что противостоят друг другу не государства, а националь-

ные группы: “*Шведы и немцы еще со времен Александра Невского стремились затворить русским людям морскую дорогу, пытаясь замкнуть их в железное кольцо*” (1939, № 6, с. 36).

Нередко поводом к разговору о прошлом становятся темы, связанные с географией. Так, рассказ о Северном морском пути сопровождается описанием его освоения чуть ли не со времен античности (1933, № 1, с. 13–15). В письмах читателей все чаще речь идет об истории собственных городов. Дети пишут о соседнем монастыре, интересуются походом Ивана Грозного на Казань, археологическими находками рядом с собственным домом.

Усиление внимания к историческому прошлому во многом связано с возвращением национальной риторики. Постепенно акцент смещался от пафоса революционизации к «национально-устроительным проектам, освященным спасительной “традицией”» [1]. “Перманентная революция” не случилась. Существовать в состоянии революционного перегрева общество так долго просто не могло. Здесь важно отметить, что возвращение исторических сюжетов происходило не по указанию сверху.

Революция и Гражданская война постепенно застывают, превращаются в “холодную” память. Авторы все последовательнее отстраняются от собственного революционного опыта. В 1938 году главный редактор “Пионера” Б. Ивантер пишет о событиях Гражданской войны как о “*далеком прошлом*”, хотя сам он был активным участником этой войны. Пришло осознание того, что революция не смогла стремительно переделать весь мир, и теперь декларировалось продление борьбы совсем в другой форме. Великое отступление (Great Retreat) послереволюционной эпохи начинается с момента мифологизации революции, это уже — перенос взгляда из будущего в прошлое. И чем более бесплодны попытки прорваться в будущее, тем сильнее тенденция к возвращению назад. В такой ситуации “застывание” памяти о революции, ее историзация неизбежны. А опыт ностальгирования о покойном Ильиче становится практикой, которая “по аналогии” позволяет обращаться и к другим сюжетам из исторического прошлого.

Литература

1. *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012.
2. *Литовская М.А.* Региональный журнал для детей в контексте советской периодики 1920–1930-х гг.: динамика идеологических приоритетов // “Убить Чарскую...” Парадоксы советской литературы для детей 1920–1930-е гг. СПб.: Алетейя, 2013. С. 124.
3. РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 137–138.
4. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 60. Д. 146. Л. 50.
5. *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 278.
6. *Gill G.* Political Myth and Stalin’s Quest for Authority in the Party // Rigby T.H. Authority, Power, and Policy in the USSR. London, 1980. P. 98–117.